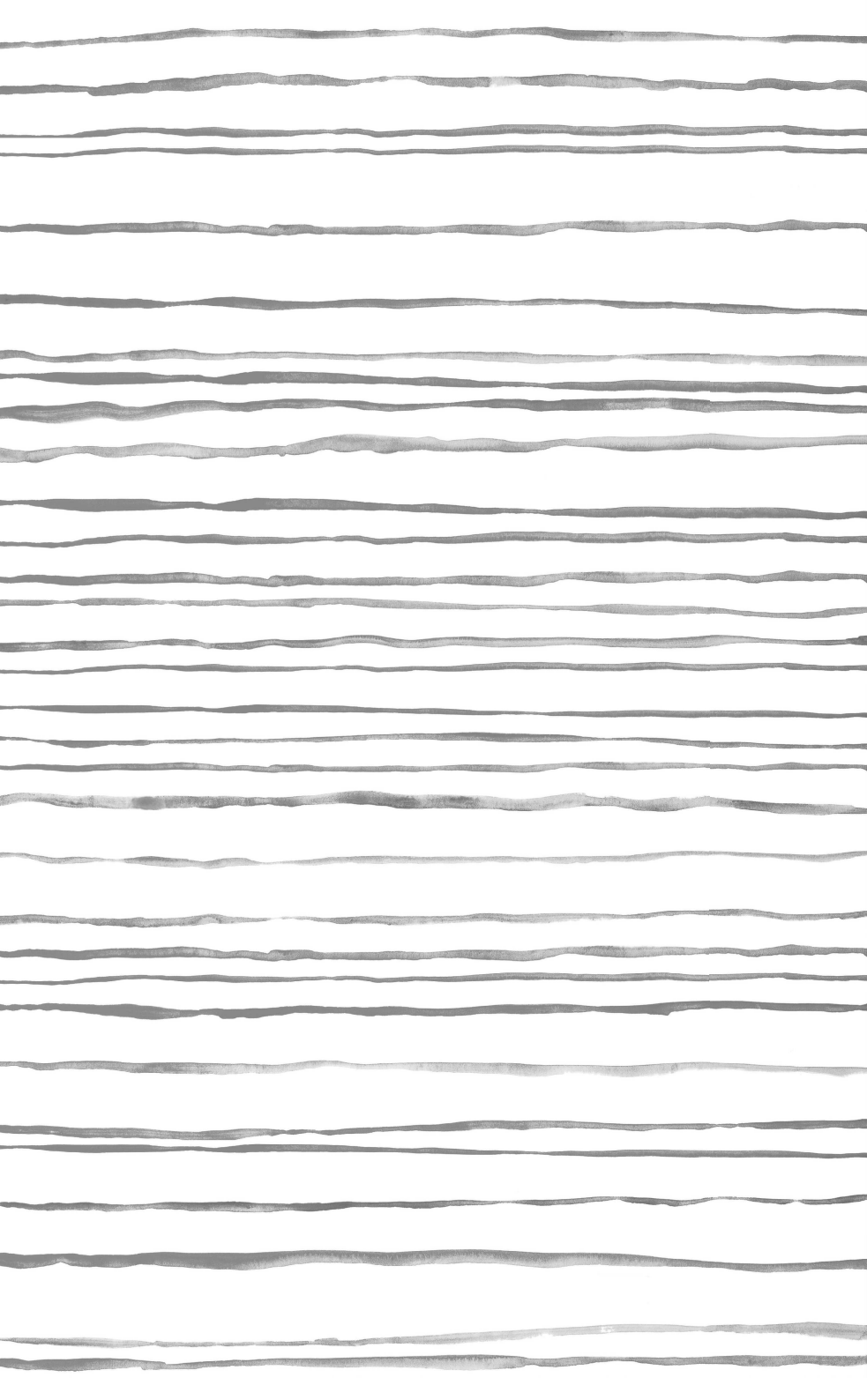

Посвящается

Тем, у кого внутри горит огонь
и кто жаждет лучшего «завтра».
Тем, кому нужно знать, что их прошлые
ошибки не определяют их.

То есть — тебе.

АЛИССА

Стоя в очереди к кассе, парень в красной толстовке неотрывно глазел на меня. Я видела его и прежде, много раз, включая то утро понедельника. Каждый день он со своими друзьями ошивался в переулке за продуктовым магазином, где я работала. Я видела их, когда начальница поручала мне сминать картонные коробки и относить мусор к контейнеру. Парень в красной толстовке каждый день неизменно присутствовал там. Они сильно шумели, курили сигареты и громко ругались. Он выделялся среди них, потому что остальные смеялись и улыбались, а он помалкивал, как будто мысленно был где-то не здесь. Он лишь иногда едва заметно кривил губы, и я гадала, умеет ли он вообще улыбаться. Может быть,

он был из тех людей, которые просто существуют, а не живут.

Иногда мы встречались глазами, и я всегда отводила взгляд.

Мне было трудно смотреть в его глаза карамельно-карего цвета, потому что они были ужасно грустными — таких печальных глаз я не видела ни у кого из его ровесников. Под ними залегали глубокие фиолетовые тени и уже виднелись тонкие морщинки, но он все равно был красивым. Приятный замученный парень. Никто в таком юном возрасте не должен выглядеть настолько изможденным и настолько прекрасным одновременно. Я была почти уверена, что он, несмотря на свою юность, прожил уже сотню тяжких лет. Он непрерывно вел какую-то внутреннюю войну, каких не ведают большинство живущих на свете людей, я понимала это по тому, как он стоял: плечи ссутулены, спина никогда не выпрямляется полностью.

Однако он не во всем выглядел настолько сломленным.

Его темные волосы, не длинные и не короткие, всегда были в идеальном порядке. Всегда. Иногда он доставал расческу и проводил ею по своей шевелюре, словно какой-нибудь гризер¹

¹ Гризеры — молодежная субкультура, получившая популярность в 1950-е годы в Соединенных Штатах.

из пятидесятих годов. Он всегда носил практически одинаковую одежду: простые футболки без рисунка, белые или черные, иногда набрасывал поверх красную толстовку. Неизменно черные джинсы и черные кроссовки с белыми шнурками. Не знаю почему, но при виде этого простого наряда у меня по спине всегда пробегал холодок.

Еще я отметила его руки. В них постоянно была зажигалка, которой он непрерывно щелкал. Я гадала: осознает ли он вообще, что делает это? Казалось, что огонь, вырывающийся из зажигалки, был просто частью его существования.

Отсутствующее выражение лица, усталые глаза, идеальная прическа и зажигалка в руках.

Какое имя могло бы подойти такому парню?

Может быть, Хантер. Оно звучало вполне пригодно для плохого парня — каким он и был, по моему разумению. Или Гас. Гас-гризер. Бриолиновый Гас. Или Майки — потому что это звучало мило, полностью противоположно тому, каким он казался, а мне нравились такие противоположности.

Но в данный момент его имя не имело значения.

Имело значение то, что он стоял напротив меня. Лицо его сейчас оказалось более выразительным, чем тогда, когда я видела его в пе-

реулке. Оно было свекольно-красным, пальцы беспокойно шевелились все то время, пока он ждал в очереди к моей кассе. В его глазах читался сильный, мучительный стыд, когда он снова и снова прикладывал к считывателю свою льготную продуктовую карточку. Каждый раз автомат отклонял карту. «Недостаточно средств». Каждый раз парень мрачнел все сильнее. «Недостаточно средств». Он прикусил нижнюю губу и пробормотал себе под нос:

— Чушь какая-то...

— Я могу попробовать считать карту на кассе, если хотите. Иногда автоматы просто неправильно срабатывают. — Я улыбнулась ему, но он не улыбнулся в ответ. Лицо его оставалось жестким и холодным, брови были агрессивно сведены... и все же он протянул мне свою карточку. Я провела ею по считывателю своей кассы и нахмурилась. «Недостаточно средств». — Программа говорит, что на карточке не хватает денег.

— Спасибо, Капитан Очевидность, — пробормотал парень.

«Грубиян».

— Чушь какая-то. — Он фыркнул, его грудная клетка приподнялась и опала. — Мы только вчера получили на нее деньги.

Кто — «мы»? «Не твое дело, Алисса».

— У вас нет другой карточки, может быть, она сработает?

— Если бы у меня была другая карточка, я уже попробовал бы ее, верно? — рявкнул он, отчего я вздрогнула. Хантер. Его должны звать Хантером. Злой, наглый парень Хантер. Или, быть может, Трэвис. Я читала книгу, в которой был человек по имени Трэвис, и он был очень плохим. Настолько плохим, что мне пришлось закрыть книгу, иначе бы я закричала и покраснела одновременно.

Парень вздохнул, окинул взглядом скопившуюся за ним очередь, потом посмотрел мне в глаза.

— Извините, я не хотел на вас кричать.

— Все в порядке, — ответила я.

— Нет, это было неправильно. Прошу прощения. Могу я просто оставить все это здесь на секунду? Мне нужно позвонить матери.

— Да, конечно. Я просто пока отложу ваши покупки, и вы сможете пробить их после того, как все уладите. Не беспокойтесь.

Он почти улыбнулся, и я едва не ахнула. Я не знала, что он умеет *почти* улыбаться. Может быть, это просто подергивание губ, но когда их уголки слегка приподнялись, это оказалось очень красиво. Я видела, что ему не особо часто случается улыбаться.

Когда он отошел в сторону и набрал номер своей матери, я изо всех сил постаралась не подслушивать. Я начала пробивать покупки следующего клиента, но мой любопытный слух и взгляд постоянно норовили обратиться на того парня.

— Мам, я просто хочу сказать, что чувствую себя полным идиотом. Я прикладывал карточку, но ее всякий раз отклоняли... Я знаю пин-код. Я его вводил... Ты вчера пользовалась карточкой? Для чего, что ты купила?

Он отстранял телефон от лица, когда мать отвечала ему, и закатывал глаза, прежде чем снова поднести трубку к уху.

— В каком смысле — ты купила тридцать две упаковки кока-колы? — закричал парень. — Что мы будем делать с тридцатью двумя упаковками колы?

Все в магазине повернулись к нему. Он встретился со мной взглядом и, похоже, снова смутился. Я улыбнулась. Он нахмурился. Душераздирающе красиво. Потом медленно повернулся ко мне спиной и опять заговорил в телефон:

— И что, по-твоему, мы будем есть весь следующий месяц?.. Да, мне заплатят завтра, но этого не хватит, чтобы... Нет. Я не хочу снова просить денег у Келлана... Мам, не прерывай меня. Послушай. Мне нужно платить за жилье. Я никак

не смогу... — Пауза. — Мам, заткнись, ладно?! Ты потратила на кока-колу деньги, на которые я должен был купить еду.

Короткая пауза. Резкие, сердитые взмахи рукой.

— Нет! Нет, мне плевать, диетическая это кола или кола-зеро! — Он вздохнул и провел рукой по волосам. На несколько мгновений положил телефон на столик, зажмурился и сделал несколько глубоких вдохов. Потом снова взял телефон. — Все в порядке. Я что-нибудь придумаю. Не волнуйся об этом, ладно? Я что-нибудь придумаю. Я сейчас закончу звонок. Нет, мам, я не злюсь. Да, точно. Мне просто надо идти. Да, я знаю. Все в порядке. Я не злюсь, понимаешь? Извини, что наорал на тебя. Извини. Я не злюсь. — Его голос стал совсем тихим, но я не могла перестать слушать. — Извини.

Когда он снова повернулся ко мне, я как раз заканчивала обслуживать последнего покупателя в очереди. Парень пожал левым плечом и подошел ближе, потирая затылок.

— Кажется, сегодня я не смогу купить все это. Прошу прощения. Я могу поставить все товары обратно на полки. Извините. Извините. — Он продолжал извиняться.

Внутри у меня все сжалось.

— Все нормально. Правда. Я с этим разберусь. Я все равно сейчас заканчиваю работу. Я все расставлю по местам.

Он снова нахмурился. Я хотела бы, чтобы он перестал хмуриться.

— Хорошо, извините.

И еще я хотела бы, чтобы он перестал извиняться.

Когда он ушел, я заглянула в его пакеты с покупками. Видеть набранные им товары было горько. В целом покупок было примерно на одиннадцать долларов — и даже этого он не смог себе позволить. Лапша-рамен, зерновые хлопья, молоко, арахисовое масло и батон хлеба — продукты, которые я покупала, даже не задумываясь об их цене.

Никогда не знаешь, насколько хорошо тебе живется, пока не увидишь, насколько плохо живет другому.

— Эй! — окликнула я его, бегом догоняя его на парковочной площадке. — Эй! Вы забыли вот это!

Он медленно обернулся и в замешательстве сощурился.

— Ваши пакеты, — объяснила я, протягивая и ему. — Вы забыли свои пакеты.

— Вас уволят.

— Что?

— За воровство товара.

Я несколько мгновений колебалась, сбитая с толку тем, что первой ему в голову пришла мысль о том, будто я украла эти продукты.

— Я их не воровала. Я заплатила за них.

Взгляд его сделался мрачным.

— Зачем вы это сделали? Вы ведь даже меня не знаете.

— Я знаю, что вы пытаетесь позаботиться о своей матери.

Он сжал переносицу двумя пальцами и помогал головой.

— Я верну вам эти деньги.

— Нет, не беспокойтесь об этом. — Я покачала головой. — Это не такая уж большая сумма.

Он прикусил нижнюю губу, потом провел рукой по глазам.

— Я их все равно вам верну. Но... спасибо. Спасибо вам... э-э... — Его взгляд упал на мою грудь, и на пару секунд мне стало не по себе, пока я не поняла, что он просто читает имя на моем бейджике. — Спасибо вам, Алисса.

— Пожалуйста. — Он повернулся и пошел своей дорогой. — А вы? — окликнула я его, пару раз икнув — а может быть, и целых пятьдесят раз.

— А что — я? — спросил он, не оборачиваясь и не замедляя шага.